

Отагон Точка zero

Валерия бар

Валерия Бар

Отагон. Точка зеро

<https://litres.ru/73979529>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе-куполе Отагон статус - это вопрос выживания.

Концентрические кольца города строго разделены: от сияющей роскоши «Эгиды», где правят «Архитекторы», до смердящих трущоб Сектора «Зеро» - края, куда сбрасывают тех, кого система признала «профнепригодными».

Вилария, девушка с гениальным интеллектом и боевыми рефлексами элиты, должна была стать гордостью Отагона. Но в день распределения всё меняется. После загадочного системного сбоя её вердикт фальсифицируют, отправляя в «Зеро» - на самое дно. Однако то, что должно было стать её концом, становится началом. Взлом закрытых архивов открывает Виларии страшную правду: протокол «Чистый горизонт». Через 30 дней Совет «Эгиды» планирует провести «вывод из эксплуатации» - массовое уничтожение нижних секторов ради экономии ресурсов. Они не просто сокращают население, они убивают тысячи людей, чтобы продлить собственное существование в мире, который, как выясняется, давно перестал быть мертвым.

Содержание

Глава 1. Золотая клетка	4
Глава 2. АЛЫЙ Экран	16
Глава 3. Дно мира	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерия Бар

Отагон. Точка зеро

Глава 1. Золотая клетка

В Отгоне время измерялось не восходами солнца, которых никто не видел за толщей купола, а циклом гудения вентиляционных турбин. Ритмичный, низкий гул был пульсом города - успокаивающим, безупречным, абсолютным.

Вилария стояла перед панорамным окном своего жилого блока в Секторе «Армор». С высоты пятидесятого уровня город напоминал сложный часовой механизм из неона, хрома и упорядоченного движения. Внизу, в «Молоте», бесконечные ленты конвейеров перемалывали синтетическую руду; ещё дальше, в смутной дымке периферии, угадывались приземистые контуры «Зеро» - места, о котором в приличном обществе не упоминали даже вслух.

Отагон не был похож на города прошлого с их хаотичной застройкой и грязными улицами. Он был воплощением геометрии. Город представлял собой идеальную восьмиугольную пирамиду, уходящую корнями вглубь планеты, а вершиной - в искусственное небо купола.

Чем выше уровень сектора, тем чище в нем воздух и ярче освещение. В «Эгиде» царил вечный «золотой час» - мягкий,

тёплый свет имитировал земной полдень. В «Молоте» освещение было индустриально-холодным, с резкими тенями, а в «Зеро» свет был лишь функцией выживания: тусклые, мигающие диоды, которые экономили энергию для нужд высших слоёв.

Здания напоминали монолитные кристаллы, соединённые артериями лифтовых шахт и прозрачными трубами вакуумных поездов. Здесь не было случайных предметов: каждый угол был выверен для оптимизации потоков воздуха, каждая стена - покрыта антисептическим напылением.

Отагон дышал: вентиляционные системы работали синхронно, создавая лёгкий гул, который жители воспринимали как колыбельную.

Структура города Отагон - это не просто архитектурный проект, это иерархическая пищевая цепь, где каждый уровень имеет свою специфическую атмосферу, функции и жестокие ограничения.

1 Сектор «Эгида» (Центр - Верхушка)

- **Статус:** Высшее руководство и «мозговой центр».

- **Атмосфера:** Стерильная роскошь. Здесь всегда поддерживается идеальная температура, воздух очищен от любых примесей, а архитектура сочетает минимализм с высокотехнологичными элементами (географические панели, с парящие конструкции).

- **Обитатели:** «Архитекторы» - узкая прослойка правящей элиты.

- **Функции:** Принятие решений, планирование ресурсов, управление нейросетью города.

- **Особенности:** Полная изоляция от тягот внешней жизни. Из окон открывается панорамный вид на весь купол, создавая иллюзию безграничной власти.

2 Сектор «Монолит» (Научно-технический уровень)

- **Статус:** Интеллектуальный фундамент.

- **Атмосфера:** Холодная, приглушенная, пропитанная запахом антисептиков и озона. Здесь царит тишина, нарушаемая лишь гулом серверов и работой мощных очистных установок.

- **Обитатели:** Учёные, инженеры, генетики, системные администраторы.

- **Функции:** Обеспечение жизнедеятельности города (вода, кислород), попытки восстановления биологических образцов (растений, культур тканей).

- **Особенности:** Постоянный контроль качества биоматериалов. Это «чистые» рабочие зоны, где человек является лишь придатком к высокоточной лаборатории.

3 Сектор «Армор» (Оборонный периметр)

- **Статус:** Силовая структура.

- **Атмосфера:** Металлический блеск, казарменный быт, идеальный порядок. Здесь чувствуется «вес» металла: бронированные стены, тяжёлые затворы, эхо марширующих сапог.

- **Обитатели:** Военные, миротворцы, тактики, охранни-

ки периметра.

- **Функции:** Поддержание внутреннего порядка, подавление недовольства, защита внешних шлюзов от опасностей Пустоши.

- **Особенности:** Лучшие пайки, жёсткая дисциплина и постоянная готовность к боевому дежурству. Здесь ценят только силу и точность исполнения приказов.

4 Сектор «Молот» (Промышленное сердце)

- **Статус:** Ресурсная база.

- **Атмосфера:** Вечный гул тяжёлых механизмов, вибрация полов, копоть, смешанная с влажным паром. Освещение здесь всегда тусклое, желтоватого оттенка, чтобы экономить энергию для нужд верхних уровней.

- **Обитатели:** Рабочие, техники, фермеры гидропонных ферм.

- **Функции:** Производство деталей, переработка отходов, выращивание синтетического белка.

- **Особенности:** Это «Двигатель» города. Жизнь здесь тяжёлая, циклична и направлена на бесконечное повторение монотонных операций. Здесь рождаются и умирают, не видя ничего, кроме цехов.

5 Сектор «Зеро» (Периферия - «Отверженные»)

- **Статус:** Отстойник

- **Атмосфера:** Мрачная, Давящая. Воздух тяжёлый, с примесью ржавчины и гнили. Стены здесь - это «изнанка» города, заросшая плесенью и кабелями, которые давно пе-

рестали функционировать. Здесь постоянные сумерки, так как освещение практически отсутствует.

- **Обитатели:** Те, чья полезность признана нулевой (неудачливые кандидаты, старики, «генетический брак», девианты).

- **Функции:** «Санитарная зона». Здесь живут те, кто выполняли самую грязную работу: разбор радиационных отходов, чистка вентиляционных шахт, ручная сортировка мусора.

- **Особенности:** Получают остатки продовольствия. Это место, где надежда умирает первой, а выживание становится единственным смыслом жизни. Именно здесь находятся внешние шлюзы, ведущие неизвестность - в Пустошь.

Для Виларии Отагон был совершенством. Дочь инженера и тактика, она выросла в атмосфере математической точности. Она знала, что каждый кубометр очищенного воздуха и каждая калория белкового рациона рассчитана до грамма. Система не ошибалась. Система заботилась.

- Ты нервничаешь? - голос отца прозвучал мягко, но в нем слышалась стальная дисциплина. Он стоял позади. Виларии медленно разжала кулак. Её ладони были сухими, пульс - ровным, как у безупречно настроенного механизма.

Сегодня был день перед распределением. Двадцать лет ожиданий, тренировок, симуляций и анализа. Она видела свои показатели в терминалах: с корость реакции, превышающая среднюю на сорок процентов, интеллект, позволяю-

ций просчитывать тактические ходы на шесть шагов вперёд. Он рассматривал свою дочь в отражении стекла так, как будто видел её впервые.

У Вилариш правильное, почти симметричное лицо с высокими, чётко очерченными скулами. В её облике нет мягкости, свойственной юности, - только жёсткая дисциплина и стальная уверенность. Кожа у неё бледная, почти фарфоровая, что подчёркивает её принадлежность к высшим слоям города, где солнечный свет (пусть и искусственный) не обжигает лицо.

Её взгляд - самая пугающая деталь. Глаза Вилариш пронзительного, почти ледяного голубого цвета. Они напоминают фильтры сканеров города: холодные, внимательные и всегда сфокусированные. В них нет мечтательности; когда она смотрит на кого-то, кажется, что она проводит мгновенный анализ: «угроза», «ресурс», или «помеха». Этот взгляд всегда остается спокойным, даже когда внутри неё бушует интеллектуальная работа.

Её причёска - это манифест порядка. Волосы цвета платинового блонда, светлые, почти белые, всегда идеально уложены в строгое удлиненное каре. Ровный срез волос чуть ниже подбородка подчёркивает длинную, изящную шею. Волосы никогда не выбиваются из причёски, даже во время интенсивных тренировок в «Арморе». Эта безупречность стрижки - результат того, что она не терпит хаоса ни в делах, ни в собственном образе.

Вилария двигается экономно. У неё врождённая, выправленная с детства военная осанка: плечи развёрнуты, подбородок всегда чуть приподнят. Она не делает лишних жестов. Её походка - это размеренный шаг человека, который точно знает, сколько времени займёт путь из точки А в точку В.

Она предпочитает форму цвета «стальной серый» с чёткими геометрическими вставками. Одежда всегда идеально подогнана по фигуре, не стесняет движения и подчёркивает её спортивное телосложение. На ней нет украшений - только функциональные элементы формы и коммуникатор на запястье. Вилария выглядит как безукоризненно работающий инструмент - красивый, холодный и готовый к применению.

- Я готова, отец! - сказала спокойно она, необорачиваясь. Вилария родилась в семье, которую «Армор» называл «образцовой». Её родители не просто проживали вместе - они дополняли друг друга как компоненты сложного химического состава.

Отец - Эйдан: Майор инженерно-тактического корпуса. Человек, чья жизнь была расчерчена по линейке. Он всегда носил форму, а его лицо напоминало маску из серого металла. Для Эйдана Отагон был Богом. Он искренне верил, что любая жертва оправдана, если она сохраняет стабильность структуры. Его любовь к дочери была формой инвестиции: он обучал её не сказкам, а логистике, баллистике и

методам подавления мятежей. Он видел в ней продолжение своей функциональности.

Мать - Элира: Ведущий специалист сектора «Монолит». Она занималась тем, что человечество называло «профилактикой вымирания». Элира была тихой, почти призрачной женщиной, которая проводила по 16 часов в лабораториях, пытаясь оживить стерильные семена растений. Она знала о критическом износе ресурсов больше, чем кто-либо, но её воспитание в системе научило её одному правилу: «Информация - это риск. Молчание - это безопасность».

В их семье не было принято проявлять эмоции - это считалось признаком биологической слабости. «Хорошо» - означало «выполнила план на 100 %». «Любовь» - означало «Мы функционируем как единый узел». Вилария была их главной гордостью: она унаследовала от отца холодный расчёт и лидерство, а от матери - феноменальный интеллект и способность видеть закономерность там, где другие видели хаос. Они гордились ею, как конструкторы гордятся идеально откалиброванным прототипом оружия. Они не знали - и не могли знать, - что их воспитание вложило в руки Виларии инструмент, которым она в итоге вскроет эту «идеальную» клетку.

Она поправила воротник своей безупречной формы. В её глазах не было сомнений, лишь холодная, ясная решимость. Она верила, что город - это колыбель человечества, а она - его будущее. В этот момент Вилария не могла знать, что её

показатели уже давно стали угрозой для тех, кто сидит в кабинете «Эгиды». Что идеальная геометрия её жизни вот-вот превратится в хаос, а «золотая клетка» покажет своё истинное, ржавое лицо.

Подготовка к тестированию не была просто обучением - это было погружение в дисциплину, которой её учили с первых шагов.

День продолжался с сеанса в капсуле «Синапс». Вилария чувствовала, как тонкие иглы коннекторов мягко касаются висков, подавая в мозг высокие импульсы. Это была настройка - очистка памяти от лишних эмоций, оптимизация логических центров. Её сознание становится острым, как скальпель. Она чувствовала каждый байт данных, проходящих через нейроинтерфейс, каждую логическую цепочку выстраивающуюся в её голове с невероятной скоростью.

Вилария прошла через цикл упражнений в зале гравитации. Её тело подтянутое, и выверенное тренировками, подчинялось разуму с абсолютной точностью. Каждый удар, каждый прыжок, каждый прицельный выстрел из лазерного симулятора попадал в «десятку». Она видела цель раньше, чем осознавала её наличие - её рефлексy были доведены до предела, где человек сливается с машиной.

Вечер проходил в примерочной. На ней была форма кандидата - строгий комбинезон из синтетического шелка, который идеально сидел, подчёркивая принадлежность к высшей касте. Она внимательно рассматривала себя в зеркале: хо-

лодный, сосредоточенный взгляд, отсутствие лишних движений. Она была воплощением эффективности.

Вечер перед Распределением. Кабинет отца в верхних ярусах - место, где всегда пахло разогретым металлом и сухим озоном. Эйдан сидел за столом, просматривая чертежи вентиляционных систем, но при появлении Виларии отложил планшет.

Вилария остановилась в дверях, невольно выпрямившись - привычка, вбитая годами.

- Ты выглядишь как клинок, который точили десять лет, отец коротко усмехнулся, но в его глазах блеснула непривычная для него тревога. - Ты готова?

- Я знаю каждое уравнение, каждую схему системы обороны города, - голос Виларии звучал ровно, как и требовала того дисциплина. - Отагон - это механизм. Я часть этого механизма. Сбоев не будет.

Эйдан встал, подошёл к окну, за которым мерцал огнями город. Он положил тяжёлую руку ей на плечо. В его жесте не было нежности - только жёсткое, почти профессиональное одобрения.

- Запомни, Вилария. В «Эгиде» не прощают эмоций. Там ценят только эффективность. Если система задаст вопрос - отвечай так, будто от этого зависит циркуляция воздуха во всем секторе. Ты - лучший мой проект. Не позволяй сомнениям смазать твой код.

- У меня нет сомнений, отец, - она подняла подбородок. -

Завтра мы перейдем в высший дивизион. Ты будешь гордиться когда увидишь меня в списках совета. Он на секунду задержал на ней взгляд, словно хотел добавить что-то ещё, но лишь крепче сжал её плечо.

- Надеюсь. Отагону нужны такие, как ты. Иди спать.

Завтрашний день решит всё.

Она развернулась и вышла. Эйдан снова склонился к чертежам, не заметив, что его рука слегка дрожала. Вилария же не обернулась - она уже мысленно была там, в зале тестирования, готовая занять своё место в идеальном мире.

Ночь перед распределением в «Эгиде» была не временем отдыха, а временем калибровки. В её комнате, где каждый предмет имел своё место, Вилария лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, который имитировал мягкое свечение утреннего неба. Но она знала: это лишь иллюзия. За тонким слоем полимерных панелей гудел Отагон - гигантский зверь, чьи внутренности она представляла себе до мельчайших деталей.

Сон не шёл. Мысли текли по закольцованным нейронным путям, анализируя структуру города, которым должен был стать её рабочим местом. В её груди не было страха - только спокойное, холодное предвкушение. Вилария знала свои результаты. Она видела графики своих показателей на протяжении последних десяти лет: они всегда были в «красной зоне» эффективности.

Она представляла себе «Эгиду». Там, за массивными две-

рями, принимались решения, от которых зависело дыхание Отагона. Она видела себя в кресле тактика, склонившейся над картами города, видела, как её приказы исполняются без единого вопроса. Она была готова стать частью системы, которая поддерживала хрупкое равновесие человечества.

Ей казалось, что Отагон - это колыбельная, а она - его будущий страж. Мир за стенами купола был мифом, страшной сказкой для детей, чтобы те не задавали лишних вопросов. Внутри была стабильность, порядок и логика.

- Завтра, - прошептала она, глядя, как гаснут огни на нижних уровнях. - Завтра я стану тем, кто управляет этим механизмом.

Она ложилась спать с предвкушением триумфа, не подозревая, что её «идеальное будущее» - это лишь декорация, за которой уже начал разворачиваться сценарий её уничтожения.

Глава 2. Алый Экран

Вилария открыла глаза ровно за три секунды до того, как мягкое, успокаивающее голубое свечение стен сменилось на холодный, безжалостный стерильно-белый. Она не нуждалась в будильнике. Её внутренние часы, отточенные годами тренировок в учебных центрах, работали точнее, чем любой хронометр комплекса. Она поднялась с койки - движение было экономным, лишённым лишней суеты. В её мире, где каждый калорийный расход фиксировался датчиками, лишнее движение считалось расточительством, а расточительство было грехом.

Взгляд упал на зеркальную панель стены. На неё смотрела девушка с бледной кожей и глазами, в которых, казалось, застыла ледяная статика серверов. Вилария поправила комбинезон. Ткань создания по нанотехнологиям, облепила тело как вторая кожа, прдстраиваясь под температуру её мышц. Она была готова к дню распределения. Вилария вспомнила отца. Его лицо редко появлялась в её памяти чётко, словно изображение было затёрто постоянным воздействием радиации и систем контроля, но его голос она помнила идеально. Его слова, сказанные в те редкие минуты, когда системы слежения в их жилом блоке отключались для профилактики: «Вилария, Отагон - это не просто город. Это живой организм, который боится собствен-

ной сложности. Если ты хочешь управлять им, ты должна быть для него как идеально настроенный инструмент, который он боится сломать. Но будь осторожна: как только инструмент становится слишком сложным, хозяин стремится его разобрать». Сегодня она собиралась проверить, достаточно ли она сложна, чтобы напугать Отагон.

Коридоры «Эгиды» были лишены акустических излишеств. Стены поглощали звук, поэтому шаги сотен кандидатов сливались в единый, едва слышимый гул. Это была тишина, которая предшествует удару молнии или взрыву сверхновой.

Вилария шла в общем потоке. Она чувствовала плечо соседа - парня с типичными для «Армора» выражением лица: напряжённая челюсть, сухие губы. Никто не разговаривал. В Отагоне слова были формой потери энергии. Взгляды всех кандидатов были прикованы к мерцающим индикаторам в дверях узлов «Нейро-ядра».

Впереди за спинами офицеров, показались массивные створки главного входа. «Архитектура» возвышалась над сектором как идол - монументальное сооружение, где пульсировала жизнь самого ядра города. Вилария видела, как впереди идущий кандидат на секунду замедлил шаг, его дыхание сбилось. Он знал, как и она, что после прохождения этих ворот их прежние жизни перестанут существовать. Они станут либо винтиками в механизме высшего эшелона, либо - в лучшем случае - перерабатываемым ресурсом.

- Кандидат 0-9-0-2 - прозвучал синтезированный голос из ниоткуда. - Продвигайтесь к точке синхронизации.

Вилария сделал вдох. В воздухе пахло озоном и жжёным пластиком - запах бесконечных вычислений. Она шагнула внутрь, и створки за её спиной сомкнулись с тяжёлым, окончательным лязгом.

Кабинет тестирования, или «Нейро-ядро», был не просто помещением, а архитектурным воплощением абсолютной, стерильной власти. Его дизайн был призван подавить волю любого, кто попадал внутрь, превратив живого человека в объект для манипуляций.

Зал представлял собой идеальную камеру, лишённую прямых углов или каких-либо архитектурных выступов. В такой комнате звук не отражался от стен, а рассеивался, создавая эффект давящей, вакуумной тишины. Стены были облицованы матовым композитным материалом графитового цвета; в полумраке они казались бесконечной чёрной бездной, но под направленным светом начинали мелко переливаться, словно чешуя змеи. В зале отсутствовали окна, а любые намёки на естественный свет были исключены. Освещение было реализовано через скрытые по периметру пола и потолка световые ленты. Они заливали пространство неестественным, **хирургически-белым светом**. Этот свет был лишён тени: он не подчёркивал объёмы, а «выжигал» детали, заставляя любого, кто находился в центре, чувствовать себя не человеком, а биологическим образцом под мик-

роскопом.

В центре комнаты находилась площадка, приподнятая над общим полом на пару дюймов. Это был единственный «островок» активности. Над платформой с потолка спускалась сложная инженерная конструкция. Она напоминала механическое насекомое с множеством тонких, изогнутых манипуляторов-щупалец. На концах этих щупалец располагались сенсорные иглы и биодатчики. В неактивном состоянии они выглядели как абстрактная скульптура, но при активации опускались, окружая голову и позвоночник испытуемого, создавая ощущение вторжения в личное пространство.

Сразу после активации вокруг платформы разворачивалась проекционная полусфера. Золотистые матрицы данных, формулы и графики висели прямо в воздухе, пульсируя в ритме нейронных импульсов Виларии. На возвышении, отделённом от платформы тяжёлым бронированным стеклом, находился командный пункт офицеров.

Это пространство было полной противоположностью ярко освещённому центру: в зоне наблюдателей всегда царил полумрак. Свет от терминалов был единственным источником освещения, что превращало офицеров в безликие силуэты. Их лица, подсвеченные снизу холодным свечением мониторов, казались масками. Столы из чёрного стекла, сливающиеся с поверхностью пола, не имели видимых кнопок или переключателей. Только сенсорные панели, на которых гра-

фики и показатели Виларии вычерчивали её интеллектуальный портрет в реальном времени.

Кабинет производил гнетущее впечатление абсолютной пустоты. В нем не было ничего лишнего: ни декора, ни мебели, ни проводов -вся инженерная инфраструктура была скрыта внутри «живых» стен, которые могли смыкаться или менять конфигурацию. Это создавало ощущение, что сама комната -это мыслящий орган, часть огромного мозга «Отагона», а Вилария -лишь микроскопический импульс, проходящий через его синапсы. Здесь человек был лишним элементом, а данные -единственным, что имело значение.

Зал распределения встретил её абсолютной чернотой. Это была не темнота ночи, а темнота бесконечного пространства. Стены из композитного материала, казалось, не имели границ.

-Центр, -скомандовал голос.

Вилария ступила на платформу. Под её ногами площадка едва заметно завибрировала, центрируя её положение. В ту же секунду над головой раздался шорох. Это было похоже на пробуждение огромного механического насекомого.

Металлические манипуляторы, холодные и матовые, плавно опустились вниз. Вилария заставила себя не дёргаться. Она знала: любая микро-реакция страха будет считаться дефектом системы. Иглы сенсоров коснулись её кожи у основания черепа и вдоль позвоночника. Это не было больно, но это было инвазивно. Она почувствовала, как

Отагон проникает в её нервную систему, считывая импульсы, как музыкант перебирает струны инструмента.

Вокруг неё вспыхнул свет. Это был не электрический свет, а визуализация данных. Полусфера проекций заполнила зал. Золотистые нити формул переплетались в воздухе, образуя сложные, пульсирующие структуры. Вилария видела схему Отагона -как концентрические круги секторов, от «Эгиды» до глубоких, скрытых от глаз «Нижних уровней». Она была внутри мозга города.

-Начало когнитивной адаптации, -донеслось из тишины зоны наблюдателей, спрятанной за бронированным стеклом.

Вилария прикрыла глаза. Она начала «танцевать». Массивы данных хлынули в её разум. Уравнения распределения ресурсов, которые она видела впервые в жизни, стали казаться простыми, как детская арифметика. Она видела логистические узлы Отагона как живые нервы. Где-то в секторе «Молот» случился микро-сбой в подаче питания -она исправила его, мысленно перенаправив потоки.

Отагон «загудел» в ответ -гул был одобрительным, низким, вибрирующим в самой её груди. Она чувствовала себя богом. Она чувствовала, как система восхищается её скоростью. В зоне наблюдателей, она знала, офицеры сейчас затаили дыхание. Её показатели интеллекта, которые она всегда скрывала, сейчас били все мыслимые рекорды. Вилария была идеальным кандидатом. Идеальным инструмен-

том. Она была слишком совершенной, чтобы остаться просто человеком.

С каждой секундой слияние становилось всё более глубоким. Вилария перестала чувствовать холод металлических игл в своём позвоночнике; они стали продолжением её нервной системы. Золотистые матрицы данных больше не висели «перед» ней -они текли сквозь неё, окрашивая сознание в цвета чистой логики.

В «рефлекторном блоке» симуляции мир вокруг неё превратился в геометрию угроз. Система «Отагона» подбрасывала задачи, которые были созданы, чтобы сломить человеческую психику: анализ тысяч вероятностей нападения за миллисекунды, расчёт траекторий распада изотопов в реакторах «Молота», моделирование социального взрыва в «Эгиде». Вилария не думала -она реагировала. Её тело, зафиксированное на платформе, оставалось неподвижным, но внутри, в виртуальном пространстве, она летала, разрушая барьеры сложности.

Она видела «Отагон» как единый, дышащий механизм, где каждый сектор был органом. Она чувствовала застой в «Монолите», она видела неэффективность в «Арморе». Она видела, как город, вечно голодный до контроля, пытался запереть её сознание в жёсткую формулу, но она сама была этой формулой.

-Синхронизация: 99.8%, -прозвучал голос из тени наблюдателей. В нём не было эмоций, только техническая конста-

тация факта. -Уровень когнитивного захвата: запредельный.

Вилария почувствовала лёгкий укол гордости. Она знала, что делает: она предлагала системе решения, которые Отагон даже не мог сгенерировать самостоятельно. Она оптимизировала распределение энергии так, что общая эффективность города подскочила на 14% за считанные секунды. Это был акт интеллектуального доминирования.

Золотистое сияние вокруг вдруг дрогнуло. В глубине логических цепочек, которые она только что выстроила, Вилария наткнулась на нечто странное. Это не была ошибка - это был «запретный архив». Система пыталась спрятать от неё доступ к данным о внешнем мире. Она увидела короткую вспышку: снимки атмосферных зондов, показывающие, что за пределами Отагона не было ядерной зимы. Там была жизнь. Там была зелёная трава, там было небо, которое не нуждалось в искусственной подсветке. Она не должна была этого видеть.

Инстинктивно, без злого умысла, она попыталась «открыть» этот файл, чтобы подтвердить свои подозрения. В тот же миг её разум, соединённый с Отагоном, ударился о невидимую, но невероятно мощную стену.

В зале раздался скрежет -звук, от которого заложило уши. Это был не технический шум, это был крик самой системы, почувствовавшей вторжение в своё святилище. Золотистые проекции моментально сменили цвет на агрессив-

но-альбий.

«КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АНОМАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ. УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ. УТИЛИЗАЦИЯ/ИЗОЛЯЦИЯ».

Вилария открыла глаза. Золотой купол исчез, сменившись пульсирующим красным маревом, которое заливало стены. Её сердце, привыкшее к метрономному ритму, пропустило удар, а затем

забилось в аритмичном ужасе.

На пульте наблюдателей силуэты офицеров задвигались. Они больше не были спокойными кукловодами. Их головы резко повернулись в сторону бронированного стекла, глядя прямо на неё. Но в их глазах не было любопытства или удивления - в них был страх. Вилария увидела, как старший офицер - человек с лицом, высеченным из камня, - одним коротким движением пальца активировал протокол удаления.

Её профиль на главном экране поплыл, стирая достижения последних лет. Все её заслуги, вся история её жизни - превращались в ничто.

- Что вы делаете?! - крик вырвался из её горла, резкий и высокий, совсем не похожий на тот холодный, расчётливый голос, которым она отвечала на вопросы системы секунду назад. - Это ошибка! Я прошла тест! Я... я видела показатели! Вы только что стёрли результаты!

Её голос отразился от гладких стен зала, но не породил эха - архитектура «Архитектуры» поглощала звук так же

эффективно, как поглощала человеческие судьбы.

Вилария рванулась вперёд, к пульту, где силуэты офицеров застыли в нерешительности, но пол под её ногами внезапно утратил свою твёрдость. Он стал вязким, словно зыбучие пески, сработала магнитная ловушка безопасности, встроенная в нано-покрытие платформы «Зеро». Ноги увязли по щиколотку, и каждое движение вызывало лишь новый прилив сопротивления металла.

Из боковых ниш, скрытых в графитовых панелях, с лязгом, от которого завибрировали даже её зубы, вышли дроиды-конвоиры. Это были не изящные сенсорные манипуляторы, а грубые, тяжёлые машины подавления. Их гидравликашипела, выбрасывая облака горячего пара, который мгновенно рассеивался в стерильном воздухе зала.

- Вы лжецы! - кричала она, глядя прямо в глаза главному офицеру, чьё лицо за бронированным стеклом было лишь бледным пятном в темноте.

Тот даже не поднял головы. Его пальцы, длинные и сухие, методично порхали по сенсорной панели. Он не просто вводил код -он занимался «гигиеной» системы. Вилария видела, как на главном мониторе её имя -«Вилария, ID 99-42-A» -мигнуло в последний раз, а затем исчезло, сменившись безликой, холодной строкой: «Объект: Единица 0-0-1. Статус: Профнепригодна. Направление: Сектор Зеро».

В этот момент что-то внутри неё надломилось. Это был не страх. Это было осознание. Она была дочерью ин-

женера и тактика, она выросла на чертежах и логике Отагона. Она поняла, что системы не совершают ошибок. Системы лишь исполняют приказы, заложенные в их фундамент. Этот приказ - её утилизация - был вынесен не после теста. Он был вынесен донего. Её пригласили не для отбора, а для того, чтобы подтвердить теорию системы о «нежелательной аномалии».

Дроиды сомкнули ряды вокруг неё. Металлические пальцы, холодные и безжалостные, сжали её плечи. Сила их захвата была такова, что в костях отозвался тошнотворный хруст. Вилария на секунду обмякла, позволив боли на мгновение затмить разум, но затем подняла голову.

Она была не просто частью статистики. Она была единственным существом в этом зале, которое виделосистему такой, какой она была на самом деле.

Вилария в последний раз взглянула на экран. Там, где раньше пульсировали графики её гениальности, теперь бежала сухая, безликая строка, ведущая в бездну сектора «Зеро». Система «Отагон» избавилась от лишней детали, выплюнула её, как шлак из плавильной печи.

В этот момент, в тишине зала, нарушаемой лишь шипением дроидов, она почувствовала странное спокойствие. Офицер, всё ещё глядя на неё, нажал последнюю клавишу подтверждения.

Система «Отагон» не осознавала одного: она не просто удалила ошибку. В процессе удаления она пропустила в «Зеро»

ро» -туда, где скрывались все неучтенные ресурсы и забытые технологии города, -того, кто знал все входы и выходы, все слабые места и все пароли.

Она не была уничтожена. Она была перенаправлена.

Когда конвоиры грубо развернули её лицом к выходу, Вилария бросила на командный пункт последний взгляд. В её глазах, лишённых слез, горело холодное, почти нечеловеческое понимание. Офицер за стеклом вдруг замер. Ему показалось, что на долю секунды свет мониторов отразился в её зрачках не просто как блик, а как угроза. Система создала своего будущего палача, даже не успев осознать, какую искру она только что бросила в пороховой погреб нижних секторов. Двери за ними закрылись с тяжёлым, окончательным-лязгом, навсегда отрезая путь назад.

Глава 3. Дно мира

Двери шлюза закрылись за спиной Виларии с таким финальным, тяжелым звуком, что по коже пробежали мурашки. Это был не звук механизма, а звук захлопнувшейся крышки гроба. Внутри, в коридорах «Эгиды», воздух был всегда одной температуры -двадцать два градуса по Цельсию, с едва уловимым ароматом озона и дезинфици

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.